

Цітарчук Марыя Раманаўна

Нарадзілася 20 ліпеня 1985 у г. Гродна. Бацька - вайсковец, маці - выкладчыца музычна-тэатэрычных дысцыплін. У 1992-2003 гг. вучылася ў СШ №10 г. Гродна, а з 2003 па 2008 гг. - на рамана-германскім аддзяленні Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. Я.Купалы па спецыяльнасці "Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый".

У 2009 годзе скончыла магістратуру ГрДУ ім. Я.Купалы па спецыяльнасці "Літаратура народаў краін замежжа" (польская літаратура). Працуе малодшым навуковым супрацоўнікам у аддзеле рэдкай кнігі Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея. Піша вершы з 1995 года. Выдала кнігі "Вераснёўскія мроі" (2008) і "В лучах сярэбранага сна" (2010). Член СПБ.

ВЕЧЕРНИЙ КОФЕ ПО – ИРЛАНДСКИ **(полет мечты вслед за осенней листвой)**

Я смотрю, как в вечернем холодном сумраке , щедро окрашенном шепотом опавшей листвы, ртутным блеском извилистой парковой речки, дурманной тяжелой влажностью остывшей воды, кокетливо шевелится медно- красная гардина- от неё так приятно пахнет стариной и затхлостью при малейшем движении богато вышитой складки!

Прямо на дубовом паркете, которому явно не один век, лежит небрежно сброшенный плед с бахромой (от него прямо пахнет клевером, дальней дорогой, свежестью рассвета, лесом, жасмином, речной сыростью и иланг- илангом (милый проказник, владелец пледа, опрокинул на себя случайно эфирное масло в лавке редкостей какого-нибудь уютного маленького Дингла или шумного Дублина!)). В кресле- качалке - некий мешок, а в нем - пару дудок. Я близорука, поэтому, ещё не разыскав пенсне,

просто сажусь на него. По изданному жалобному протяжному звуку я угадываю, что это волынка Мэхони О'Хара. Это значит только одно - он снова вернулся, потомок северного скальда, мечтатель – романтик, мятежный беспокойный странник.

Ах, этот удивительный нрав, с которым никогда не соскучишься! Ах, эти мелодичные бретонские мелодии вместе с кельтскими балладами, которые Мэхони так хорошо исполняет! Ах, эти танцы, которые тревожат мой покой - точно сонмы побеспокоенных фей, эльфов, гномов и мотыльков разлетятся на все четыре стороны света. На севере их ждут белые вершины гор, на юге- Египетские Ночи и Пирамиды Фараонов, на западе - плач бесприютного ветра, на востоке- теплые весенние дожди с ароматом пачули и сандала....

Ах, мои бедные ноги, обутые в замшевые балетки с лентами - они так и готовы пучиться в пляс! Из-за Мэхони я никак не могу собрать веселый витраж из разноцветных кленовых листьев.

Вот он крутится и так и эдак перед венецианским зеркалом во весь рост: точно девушка, разглаживает свои черные локоны, слегка склонив набок бледное лицо.

Я слежу за ним из кресла и едва сдерживаю ласковую улыбку, готовую кончиться журчащим и добродушным смехом - я вижу, что Мэхони давно облюбовал себе веер из павлиньих перьев на туалетном столике, но стесняется его взять. Наконец он робко берет его, и закрывает им, как одалиска, лицо. Его темно-серые глаза ласково и задорно улыбаются. Я не сдерживаю смеха и проливаю на себя кофе по- ирландски. Игривый кокетливый юноша кидает веер под стол, будто ошпарившись. Его руки уже теребят старинную черепаховую пудреницу, затем он начинает дергать за усы пушистую спящую кошку. Та сердито шлепает его лапой по носу, и остаются царапины. Незадачливый кавалер с расцарапанным носом вдруг замирает: за спиной качнулась от ветра медно-красная гардина, а ему показалось, что в кристальном сумрачном зазеркалье мелькнула девичья коса. Бух - и он погружается в глубину, где маячит его собственное отражение, в погоне за осенней мечтой. Он уходит в мир, где лабиринты сердца и души встречаются, где нет зла и холода, где цветы и деревья ходят на головах и смеются, где белки поют элегические баллады и танцуют веселые кельтские танцы, стуча маленькими лапками, туда, где реки всегда теплые и где пахнет душистым клевером и полынью. Он уходит туда, где стоит вечная ранняя осень с её задумчивой грустью.

Вскоре Мэхони возвращается сюда, где свечи и камин, ни с чем, юноша- мечтатель с Изумрудного Острова - медноволосая греза затерялась в

лабиринтах сердца, но он счастлив - ведь один только поиск счастья окрыляет.

Ласковое пламя камина улыбается ему улыбками сотен коломбин, но вдруг радужная пелена тает перед ним - он почувствовал, что совсем рядом, в этой комнате, где причудливо переплелись в лоне аметистовых сумерек необузданная фантазия и действительность, бьется очень одинокое сердце... Густой румянец заливаает его юное лицо - ему немного стыдно за свой безумный порыв в зазеркалье.

Как холодна эта тонкая рука, которую протягивает он мне, но она быстро теплеет в моих ладонях. На устах юноши, что словно свежий сок молодого граната, появляется застенчивая улыбка.

Мы идем туда, где олени берут хлеб из наших рук и где белки поют и танцуют.

В камине тлеют красные огоньки. Скоро они погаснут.

18 октября 2005 года

МИЛАНТЭ¹

Это было еще в те времена, когда близких называли «ладушками», а вместо «люблю» говорили «жалую». В племени русичей у кузнеца Горицвета и его жены Венцеславы родилась дочь Олеся. Это был их первенец. Мать нарадоваться ребенком не могла, похвасталась красотой девочки перед соседкой, у которой был злой, недобрый язык, как помело – и сглазила.

Кузнецова дочка была тоненькой, но рослой не по летам, и среди своих сверстниц выглядела совсем взрослой. И поэтому она очень скоро стала безоговорочным вожаком в их веселой, дружной стайке.

Несчастье случилось, когда Олеся заигралась с подружками на старом капище возле протоки.

Старое капище в поселении считали дурным, несчастливым местом. В протоке развелось много русалок, и из лесу по ночам стали доноситься голоса и смех. И люди перенесли святилище. Водяницы успокоились. Однако заблудившийся охотник или собиратель, случайно оказавшись в самом сердце этого дремучего, заброшенного места, неизменно чувствовали чье-то невидимое присутствие. Поселяне сторонились ритуальной поляны, а после заката солнца старались без крайней нужды не ходить в лес.

Не боялись странного места, пожалуй, только кузнецова дочка и ее подруги.

Накануне Ивана Купалы Олеся заигралась со своими товарками в лесу в прятки до восхода луны.

¹ черный цветок (греч.).

- Нас, кажется, уже ищут. Вы слышите, как наши волкодавы заливаются? – вдруг сказала притихшая Звенислава, которая почти никогда не закрывала рта.

Они прислушались и действительно уловили в отдалении взволнованные голоса и лай. Между деревьями крошечными светлячками мелькали огни горящих факелов.

- Ну и что? Они еще очень далеко. Искупаюсь-ка я в протоке, - с этими словами девочка, скинув сорочку, прыгнула в студеную воду.

Олеся ныряла и резвилась, как одна из обитательниц подводного царства. Луна поднималась все выше и выше, и голоса приближались, но больше ничего не происходило.

- Спорим, я просижу под водой, пока они не выйдут на берег? – озорно сверкнула глазами Олеся и, набрав в легкие побольше воздуха, нырнула.

Подруги в панике метались возле деревянного мостика, с которого дочь Горицвета прыгнула купаться, и заламывали руки, не зная, что предпринять.

- Олеся, не дури, здесь уже Вакула с головешкой! – звали девочки, чувствуя нарастающую тревогу, но сумасбродная ныряльщица и не думала показываться.

И тогда Звенислава, отчаянно расплакавшись, конулась по извилистой тропинке навстречу помощнику кузнеца, раскинув руки.

Испуганная девочка не смогла толком ничего рассказать. От ее подруг Вакула тоже не добился ничего вразумительного. И тогда Горицвет, взяв багор, чтобы искать непутевую дочку и, если найдет живой, заодно отходить как следует за непослушание и своеволие при всей деревне, решительно двинулся к реке, навстречу отцу вышла Олеся в сорочке, с сухими волосами и венком луговых красок. В руке девочка держала лукошко с грибами.

- Я собирала дары леса, - совершенно спокойно сказала кузнецова дочка.

Поселяне изумленно попереглядывались.

- Горицвет, чего же ты всех на ноги поднял? У нашей Звениславы просто богатая фантазия, - посмеивались люди. Одна Венцеслава даже не улыбнулась, не сводя с дочери пристального, пытливого взгляда.

Тут настала удивляться очередь подруг.

Они собственными глазами видели, как Олеся скрылась под водой. И не вынырнула.

Никто не знал, что старое капище было колодцем времени. На самом деле прошло несколько часов, которые показались минутами, и когда все разошлись по домам, то запели первые петухи. А на другой вечер уже горели купальские костры и все позабыли о странном происшествии. По протоке плыли венки. Молодежь бегала взапуски и устраивала игрища. Только Олеся не веселилась вместе со всеми. Девочка, привыкшая быть заводилой всех игр, просидела у костра, не сводя задумчивого, точкующего взгляда с танцующего пламени. Она словно ждала кого-то или чего-то.

Через несколько дней после Ивана Купалы с Олесей приключилась «лунная болезнь» (так в те далекие времена наывали бессонницу).

Венцеслава и лечебные травы заговаривала, и поила дочь теплым молоком с медом – все без толку. Едва в чернильном небе появлялся серебряный серп, у Олеси начиналась ночная жизнь. Еще за несколько часов до восхода луны девочка менялась до неузнаваемости. Бойкая и веселая, она вдруг затихала и становилась рассеяннo-задумчивой, а если и говорила, то мало и невпопад. Ее походка делалась плавной и грациозной, будто она несла на голове доверху наполненный кувшин, а ее глаза напоминали два селенита, на дне которых переливалось лунное серебро. Иногда Олеся уходила из избы, а, вернувшись до петухов, совершенно не помнила, где была и что видела.

В полнолуние ее охватывало необъяснимое томление.

Олеся, раздевшись донага, усаживалась на треногу перед большим, гладко отполированным медным зеркалом и принималась с любовью вычесывать свои густые, темно-каштановые волосы, достоящие почти до колен. А когда серебряная горошина в небе достигала своего зенита, глаза девочки превращались в два сияющих лунных камешка. Радостно захлопав в ладоши и негромко, счастливо рассмеявшись, Олеся наспех одевалась и босиком, по выпавшей ночной росе, бежала на озеро. На протоку кузнецова дочка больше не ходила, внезапно начав страшиться студеной воды и быстрого течения.

Вода же в озере была теплой, как парное молоко, и неподвижной.

Лунное сияние просвечивало прозрачные волны до самого песчаного дна. Олеся, ныряя, могла обходиться без воздуха сколько угодно. Девочке нравилось плавать наперегонки со стайками серебристых плотвичек или, раскопав рачьи норки, расшевелить их сонных обитателей, играя с ними своими волосами.

... Олеся увидела Григория на озере, когда купалась, по своему обыкновению, в чем мать родила, и, отжав волосы, потянулась за сорочкой, но, вскрикнув, отпрянула и присела за большой камень, стыдливо прикрывшись руками, потому что ее живописно вышитая рубака до пят исчезла. Из-за раскидистого старого явора на нее смотрел незнакомый юноша.

Незванный гость был удивительно, не по-здешнему хорош собой.

Его тонкое, бледное лицо с высокими скулами и темно-синими глазами обрамляли черные блестящие волосы. Невысокий, хрупкого телосложения, он напоминал девушку, переодетую в мужское платье. Его одежды были вышиты шелком и золотом, а на плечах у него лежал плащ цвета спелого винограда.

В руках у юноши Олеся увидела свою пропажу.

- Прости, ладушка. Мне хотелось полюбоваться тобой, - сказал незнакомец, положив на камень рубашку, и девочка невольно заслушалась его голосом. Такого не было ни у одного из местных парней. Плавный и нежный, он казался музыкой, извлекаемой из волшебной свирели. Но Олеся, вспохватившись, что все еще стоит нагая перед незнакомцем, вероломно похитившим ее одежду, быстро нырнула в сорочку и, закатив наглицу

звонкую оплеуху, бросилась по тропинке к городищу, но не выдержала и оглянулась.

Странный юноша со счастливой улыбкой прижимал руку к пылающей щеке, словно его только что одарили цветами, а не ударили.

К следующей ночи Олеся совсем позабыла о том, что Григорий подглядывал за ней. На этот раз юноша не стал забирать ее одежду, а положил на рубашку букетик незабудок.

Так продолжалось несколько дней.

Наконец они познакомились.

- Ты такой чудной, Гриша, - говорила Олеся, выжимая волосы, в которые Григорий вплетал кувшинки и сон-траву. - Ты все смотришь и лбуешься мной, будто я Леля.

- Ты очень красивая, Олесенька, - нежно говорил юноша. По его бледному лицу пробегала тень, а в глазах появлялась необъяснимая грусть.

К концу Русальной недели Григорий решил взять девочку за руку и услышал, как в ней поет жизнь.

Открытие перевернуло его мир.

Ночная охота превратилась в скучную необходимость. Теперь юноша в нетерпении считал минуты до встречи с Олесей. Он рвал для нее полевые цветы, в которые неизменно вкраплял незабудки. Григорий видел, как радуется девочка букету, и начинал чувствовать свое сердце, давным-давно умершее. Оно оттаивало, причиняя незнакомую, забытую боль. Даже извечная жажда причиняла ему меньше страданий. «Любил ли я когда-нибудь?» - спрашивал себя юноша, играя с волосами своей Лады.

Он забыл, что такое любовь.

Однако жизнь брала свое.

И однажды Григорий понял, как пуста его вечность без нежных девичьих уст и веселого смеха. Юноша с жадностью вслушивался в гудение медоносных пчел и шелест луговых трав, чтобы уловить легкие, невесомые шаги Олеси.

Кузнецова дочка с каждым днем все расцветала и хорошела. К ней вернулся здоровый, ночной сон. Девочка перестала томиться и успокоилась, словно к ней пришел долгожданный гость. Но на вопросы родителей о своей таинственной поклоннице она лишь загадочно улыбалась.

Олеся все же познакомила их, когда Григорий принес для нее с протоки воду. Коромысло матери оказалась слишком большим, и девочка поняла, что не рассчитала. А юноша, прочитав ее мысли, оказался рядом, впервые за несколько веков ощутив желание помочь.

Венцеслава и Горицвет были очарованы благородной статью и изысканными манерами Григория. Их совсем не смутило то, что все волкодавы в селении принимались неистовствовать при появлении юноши, а поселяне сторонились его, шепча на ходу заговоры и молитвы, хотя он был безупречно учтив со стариками и приветлив с женщинами.

Но на следующий день после очередного свидания Олеся упала в овраг, и ей заинтересовались волки. Хозяева леса уже плотно сомкнули кольцо

вокруг своей жертвы, когда появился Григорий. Схватки длилась недолго. Юноша почувствовал страх девочки и поспешил в ней на помощь.

Олеся обняла Григория за шею и так поцеловала его, что он едва не потерял над собой контроль. Но юноша сумел сдержать свои сумеречные инстинкты. Отвернувшись, чтобы его Лада не увидела, каков он есть на самом деле, Григорий глубоко вздохнул. И впервые за несколько столетий он ощутил радость от того, что сдержался и не причинил кому-то вреда. В следующее мгновение словно пелена спала с его глаз, и Григорий увидел перед собой не угловатого подростка, а прекрасную, очень юную, тоненькую девушку.

В умершем сердце юноши сдвинулась боль.

Многовековой лед, покрывавший его, как коростой, растаял, и Григорий снова услышал, как оно бьется.

Солнце уже село, и по земле поползли длинные тени. С озера потянуло прохладой и Олеся убежала домой. А юноша долго слушал, как поют под ее ногами травы. Сердце, замершее в груди, снова напомнило о себе неровными, тревожными толчками. «Пожалуйста, не умирай! Если ты еще раз остановишься, меня тоже не станет вместе с тобой», - взмолился Григорий. И сердце, услышав его, осталось жить.

Но в один прекрасный день кузнецова дочка увидела его настоящее лицо.

Стояли теплые сумерки, и в небе, как всегда, повис матово-белый серп.

Григорий задерживался на охоте. И Олеся, устав плести венки в томительном ожидании, отправилась в лес.

- Гриша! – звала девочка. – Гришенька!

Но только эхо подхватывало ее звонкий голос и уносило в дремучую чащу.

Вот уже и старое капище с заброшенными идолами осталось позади, и медовые пасеки давно исчезли из вида, а извилистая тропинка все вела и вела Олесю в самое сердце матери-природы. И вскоре девочка оказалась там, где не ступала нога человека. Огромные папоротники вымахали едва ли не в ее рост. Листья деревьев сплелась так густо, что почти не пропускала последний солнечный свет.

Наконец Олеся вышла на поляну, поросшую бурьяном и такую же дикую, как и все вокруг, и невольно вскрикнула, увидев Григория. Девочка сперва приняла лежащие у его ног белые комочки за шкурки, но потом поняла, что это кролики. Много-много мертвых кроликов.

Длинноухие служили юноше пищей.

- Прости меня, Ладушка, – тихо проговорило существо, не имеющее ничего общего с прекрасным, добрым, ласковым, лесным Гришей. – Мне сразу следовало тебе сказать, кто я, вернее, что я есть. Только ты не пугайся. Я не причиню вреда ни тебе, ни твоим близким.

Но Олеся, задрожав от страха и отвращения, закрыла лицо руками.

Напрасно Григорий вымаливал у нее прощения.

- Ты для меня умер, Гриша. Нету больше моего лесного принца. Поэтому не смей ходить за мной, как тать, – с этими словами кузнецова дочка исчезла в дремучем лесу. А юноша упал в высокую траву, как подкошенный, и затих, но через мгновение его плечи задрожали от беззвучных рыданий. Слезы брались неизвестно где, но не приносили облегчения.

Когда вошла луна и на землю выпала роса, Григорий отправился к дому Горицвета. Но в окнах Олеси на этот раз не тлела лучина, а возле избы стоял горько-терпкий аромат – Венцеслава в этот вечер по просьбе дочери жгла полынь-траву.

Отвергнутый Григорий долго и бесцельно бродил по лесу. Слезы застилали ему глаза, и он почти ничего не видел. Юноша падал, поднимался и снова брел неизвестно куда. Наконец он вышел на берег озера и до рассвета просидел у большого камня, возле которого впервые встретил Олесю. А когда из-за горизонта появилось солнце, Григорий снял с руки защищающее его кольцо и подставил свое лицо золотым лучам, губительным для него.

Юноша знал, на что шел.

Солнце, поднимаясь над горизонтом, испивало его, медленно и постепенно, причиняя мучительную боль. Когда она пронзила сердце насквозь, Григорий последним усилием сорвал с шеи кусочек янтаря, подаренный накануне Олесей.

Ему захотелось увидеть свою Ладу прежде, чем он уйдет навсегда.

В ту же минуту на Олесе лопнула нитка бус, и переливчатые шарики адуляра сверкающим дождем обрушились на пол. Чудо-камешки принес ей однажды Григорий, сказав, что они волшебные. И кузнецова дочка поняла, что с их дарителем случилось несчастье.

Девочка прибежала к озеру и поняла, что опоздала.

Григорий неподвижно лежал в высокой траве. Медоносные пчелы спокойно кружили над юношей, который казался спящим, и безмятежно перелетали с цветка на цветок.

Девочка некоторое время потрясенно всматривалась в его застывшее прекрасное лицо, с которого страдание стерло многовековую холодность, и одела на его тонкую, восково-белую руку кольцо-талисман.

- Гришенька, я тебя жалею, – повторяла Олеся, целуя его губы, на которых замерла улыбка. Но все попытки кузнецовой дочки вернуть юношу к жизни оказались тщетными. Сердце упорно молчала в его остывшей, холодной груди. И Олеся вспомнила о кроликах. Однако поблизости не было ни одного длинноухого. Зато была она сама, аполненная теплым, обновляющимся эликсиром.

И Олеся, не раздумывая, сделала на своей руке ножом глубокий надрез.

Боль вонзилась в нее тысячью раскаленных огненных стрел, но девочка, кусая губы, стойко переносила ее, видя, как к Григорию возвращаются силы. Несколько капель крови упало в траву, и на этом месте тут же проросли стебли с бутонами темно-красного, почти черного цвета, напоминающие лилии. Они раскрылись, изливая в воздух свой дурман. Это

были милантэ, «черные цветы», чудодейственное лекарство от любого недуга.

Олеся все же почти лишилась чувств, и юноша отнес ее на руках в свой охотничий домик. Напоив свою Ладу целебным отваром, вернувшим ей бодрость, Григорий поднес к своим губам ее руку. Жажда мучала его, но он шептал заговоры до тех пор, пока нежная девичья кожа не стала вновь нетронутой и гладкой.

А вокруг шелестел дремучий лес, насквозь пронизанный солнцем, и с озера приносили свое благоуханное дыхание прекрасные милантэ, цветы-лекари.

И Григорий, подхватив Олесю, как пушинку, толкнул дверь.

- Куда ты меня несешь? – смеялась кузнецова дочка.

- На край света, – серьезно ответил юноша, но его глаза счастливо смеялись, а на бледном лице впервые появился кволий, как барвинок после зимы, румянец.

Правда, по дороге он все же зашел к Горицвету и Венцеславе. Григорий не хотел похищать себе невесту. И через три дня Олеся стала его женой.

Они ни разу не сказали друг другу при всех: «Я тебя жалею». Все было и так понятно. Чувство, вспыхнувшее между ними, не нуждалось в словах.

На гулянье собрались и стар, и мал: Горицвета все любили и уважали, а Венцеслава знала заговоры от любой хвори и никогда не отказывалась помочь. Весь день над рекой звучали свадебные песни, а молодежь носилась взапуски, придумывая веселые, подвижные игры.

Только жениху было не до забав. Задумчивый и притихший, он целовал Олесю так, словно день торжества их любви мог стать для него последним.

- Ты такая теплая, Ладушка, – повторял Григорий, с нежностью заключая в объятия свою юную жену. – И в тебе поет жизнь.

- Речи у тебя странные, Гришенька, – возразила кузнецова дочка, играя его волосами, черными, как ночь. – Но я верю тебе, что бы ни случилось. И мое сердце в жизни и смерти будет навсегда с тобой.

Но Григорий на это ничего не ответил.

Юноша думал о милантэ, врачующих цветах, которые распустились у озера. «Быть может, они вернут мне человеческий облик хотя бы на одну ночь?» – решил он и в самый разгар веселья исчез из-за праздничного стола, надеясь, что его никто не хватится.

Но у большого камня на озере чудо-цветов не оказалось. Напрасно Григорий искал их поблизости и умолял вернуться из-под земли. Он не знал, что милантэ цветут всего четыре дня раз в столетие.

А солнце медленно клонилось к западу, неумолимо приближая первые сумерки. Пора было возвращаться.

Когда медвяный диск исчез за горизонтом, юноша перевез Олесю в свой просторный светлый дом за рекой.

- Теперь мы принадлежим друг другу, Ладушка, – тихо сказал Григорий, когда последний луч дневного света погас и на землю опустилась ночь.

Но счастью молодоженов было суждено продлиться недолго.

... Григорий умирал от жажды. Каждый поцелуй причинял страдания и отнимал энергию, стремительно тающую, как заходящая луна. Аромат девственного запретного эликсира лишал рассудка. Юноша несколько раз отстранялся, но снова и снова привлекал к себе Олесю.

Это была самая долгая, мучительная и удивительная ночь в его жизни.

Сердце бессмертного юноши билось все тише и глуше; отвыкшее от человеческих чувств, оно было готово в любое мгновение остановиться. Однако в эту ночь он не думал о себе, собирая последние силы для того, чтобы быть просто любящим и нежным.

А на рассвете, когда наступило слияние, Григория не стало. Юноша уснул на груди у своей Лады навсегда, и на его губах играла счастливая улыбка.

Юная вдова была безутешна, но через несколько дней почувствовала в себе новую жизнь. И когда дитя, появившись на свет в свой положенный срок, распахнуло темно-синие глаза и сверкнуло на солнце белозубой улыбкой, Олеся поняла, что Григорий будет жить в ее первенце. И она назвала девочку Милантэ.

Имя оказалось счастливым.

Ровно через сто лет у большого камня на озере снова появились чудодцветы. С их помощью Милантэ стала человеком и повторила судьбу своих родителей, встретив в одну из ночей бессмертного юношу по имени Олеандр. Он приехал из-за моря, говорил мягко, с южным иноземным акцентом, был нежен и заботлив в сумерках, весел и ласков днем. Ночью он охотился в лесах на зверей и птиц, а к рассвету покрывал множество верст за одно мгновение, чтобы увидеть, как, пробуждаясь, Милантэ раскрывает навстречу солнцу свои синие глаза.

Но их первая ночь стала для него последней.

Олеандр ушел, успев оставить после себя новую жизнь.

С тех пор и стали появляться черноволосые, синеглазые создания необыкновенной, нездешней красоты, которых называли Наследниками...

¹ черный цветок (греч.).

5 февраля 2013 г. Гродно.

НОЧНАЯ ТУБЕРОЗА

1.

Ему было уже тридцать восемь, а он, худощавый и хрупкий, все еще походил на безусого юношу. «Маленькая собачка до старости щенок», - усмеялся Феликс своему отражению в зеркале. На него смотрел бледный шатен с вытянутым аристократическим лицом, маленьким пухлым ртом и горящими лихорадочным блеском карими глазами. Его руки, белые и узкие, как у женщины, нетерпеливо перебирали пестрый ворох галстуков. Он

нервничал: у него никак не получалось выбрать то, что надо. Он спешил. И не только потому, что опаздывал на свидание.

Пять лет назад врачи вынесли ему свой приговор.

Его время уходило с каждым днем все быстрее и быстрее.

Но так хотелось еще пожить!

Ощувив легкую боль в груди, Феликс оставил в покое галстуки и достал нитроглицерин. Вроде полегчало. Он вздохнул и аккуратно развесил разбросанную по креслам одежду. Все не то.

В конце концов он выбрал «потертые» модным дизайнером джинсы и белый кашемировый свитер. Зачесав на правую сторону непослушные каштановые волосы, спадающие до ключиц, и косую длинную челку, он, как художник, понимающий трепет преходящей красоты, взял из вазы букет ночных тубероз. Нежно-лиловые лепестки были плотно сомкнуты в ожидании своего часа.

Сумерки еще не успели сгуститься, и приготовленный для Анечки букет радовал глаз девственной свежестью закрытых продолговатых бутонов-коробочек.

Феликс торопился на свидание.

Феликс торопился жить.

Его время истекало.

2.

Он хорошо помнил первую встречу с Аней.

В тот сентябрьский вечер он закончил работу над картиной.

Уставший художник накинул легкий плащ и вышел на улицу.

Феликс искал вдохновения на оживленных улицах в центре города. Он был человек-ракушка, но все же любил влиться в пеструю, шумную городскую жизнь таким, какой он есть, со своими странностями и причудами. Жизнь манила, как наркотик. Он был приговорен. Но в последние два года стал необыкновенно жаден до жизни. Он мог часами бродить по улицам, вслушиваясь в беспокойное дыхание траффика в час пик, возвращался и писал свои картины, ужинал, спал, и снова писал. От напряженной работы начинало болеть сердце, и двоюродная сестра Ольга, медсестра по образованию, укладывала его на целый день в постель и кормила с ложки, как маленького. Но Феликс все равно продолжал свои длительные прогулки.

В тот день на набережной Немана было прохладно и ветрено.

Отражения уличных фонарей уже дрожали в остывшей речной воде, и Феликс любовался игрой мерцающих бликов. Неожиданный порыв ветра, заставивший его плотнее закутаться в тонкий плащ, подхватил облетевшие листья и поднял вокруг него золотую метель. Художник оказался в самом центре водоворота прекрасной, сумеречной стихии, из которой появилась Анечка. Светловолосая незнакомка в черном берете была необыкновенно хороша собой. Пепельно-русые локоны обрамляли нежное, почти детское

лицо с тонкими правильными чертами. У нее были высокие скулы, скульптурный рот и крохотная круглая родинка у правого его уголка. Девушка смущенно улыбнулась, и на ее щеках с глубоким румянцем появились милые ямочки.

- Простите, я такая неловкая, - тихо проговорила она, торопливо подбирая нечаянно выпавшие из ее папки ноты. Девушка сняла перчатки; ей было так удобней собирать листы, и Феликс увидел прекрасные руки. Белые, ухоженные, с миндалевидными ногтями, покрашенными в темно-вишневый цвет.

- Ничего страшного. Вы играете на виолончели? – спросил Феликс, помогая собирать ей ноты. Инструмент показался ему слишком громоздким для ее точеной, миниатюрной фигуры.

- Да.

- Знаете, я тоже люблю виолончель. Больше, чем что-либо, - признался художник и мягко добавил: - А давайте перейдем на «ты».

- Давай, - прошептала она, поднимая на него темно-синие глаза, глубокие, как бездонные колодцы, на дне которых золотыми ужиками притаился солнечный свет. – Я Аня.

- Феликс, - представился он и вдруг почувствовал на лице жар. «Я, наверное, простудился на холодном ветру. Ольга будет ругаться. Только что теперь поделаешь? Сам виноват».

- Как Дзержинский! – засмеялась девушка. – Подем чай пить, железный Феликс, а то у тебя плащ совсем на рыбьем меху. Замерзнешь ведь.

Последнее, пожалуй, было самым веским аргументом. Он подумал о пустой холостяцкой квартире и о чаепитии в обществе оконченных и неоконченных портретов, и ему стало грустно. К тому же, Аня его пригласила, а он не смог отказать. Феликс почти никогда не мог сказать «нет» и безотказно делал все, о чем бы его ни попросили.

3.

Анечка была чудо как хороша в черных обтягивающих джинсах и темно-красном свитере, который, обрисовывая тонкую талию, плавно переходящую в изящные бедра.

Девушка ушла на кухню готовить чай.

Феликс осмотрел ее комнату глазами художника.

Вазы в ее комнате были наполнены красным фезалием и высушенными полураскрытыми бутонами роз. Обтекаемый, минималистический дизайн был оживлен романтическими акцентами: настенным панно с изображением Кришны, опиумной свечой в черно-белом стильном подсвечнике и синей японской пиалой с желтым сухостоем.

Анна подала чай в крошечных чашках-наперстках. Их руки на секунду соприкоснулись, и Феликс почувствовал, как сквозь него проходит нечто похожее на электрический ток.

В этот вечер они много говорили, время от времени наполняя свои чашки душистым напитком с тонким, изысканным вкусом жасмина и бергамота. Иногда они замолкали оба, но не чувствовали неловкости, находя в совместном молчании особый смысл. Анна маленькими аккуратными глотками отпивала чай, а он любовался ее точеными белыми руками, нежным овалом ее свежего, открытого девичьего лица и синими шалыми глазами с золотыми искорками где-то глубоко-глубоко, на самом дне зрачка-колодца, неровно пульсирующего в ритме лунных приливов.

В эту ночь дома Феликс долго не мог уснуть. Наверное, была виновата луна, нагло смотрящая в комнату сквозь неплотно задернутые шторы. Он поднялся и, задернув портьеры, напряженно прислушался. Впервые привычная тишина его чистой и аккуратной, но одинокой квартиры угнетала его. Вздохнув, Феликс надел халат и отправился в мастерскую.

Он еще никогда не работал над картиной с такой одержимостью.

Утром с холста новой картины на него ясными, растерянными, синими глазами смотрела Анечка с ворохом нотных листов под мышкой.

Феликс спал в кресле. Он устал. За несколько часов он отдал всего себя почти без остатка. Потому что слишком спешил жить.

4.

- Какие красивые! – воскликнула Анечка, зарываясь лицом в подаренный букет. – Но они совсем не пахнут! – разочарованно сказала она затем, слегка дотронувшись губами до нежно-лиловых вытянутых бутончиков-коробочек.

- Эти бутоны раскрываются в полночь и издают удивительный аромат, - поспешил успокоить ее Феликс.

- Я обязательно дождусь часа луны, - пообещала она. На ее ногтях по-прежнему был тот же лак, а из-под черной шляпки-таблетки выбивались светло-русые пепельные волосы.

- Ты гот? – поинтересовался Феликс.

- Нет. Но мне нравится их музыка. И я люблю их стиль.

Ей вдруг стало легко и просто с человеком, которого она знала всего несколько дней, который был вдвое старше ее и по большому счету годился ей в отцы. «Но это неважно. Он талантлив и несчастен. У него самый нежный, бархатный голос на свете», - думала Анна, любясь тонким профилем Феликса. Она заметила, что в последнее время ей стали неинтересны ее сверстники. У нее не было жизненного опыта и она знала о красивых отношениях только из кино и из книг. А у Феликса было слишком мало времени для долгих мелодраматических прелюдий, которые так любят большинство девушек ее возраста. Но Анечка была другой, и Феликс благодарил за это судьбу.

Этот день выдался не солнечным и не пасмурным. Они охотились за пламенеющим багрянцем, сусальным золотом, разбавленным у прожилок листопадно-коричной натуральной сиеной и набивали карманы каштанами.

Феликсу с его ростом ничего не стоило сорвать для Ани с самой нижней ветки рдеющую гроздь спелой рябины или веточку с желудями. У одного из частных домов он выпросил у старушки целую охапку фезалия для своей спутницы. Щедрая хозяйка улыбнулась и дополнила его пестрыми хризантемами. Феликс наблюдал, как ее натруженные морщинистые руки с любовью срезают темно-зеленые стебли, увенчанные терпкими, горько-пряными пушистыми бутонами, и вдруг вспомнил свою бабушку, которая давно умерла. Когда он подростком бегал в художественную школу с отцовским этюдником за плечами, она еще была жива, и ему казалось, что она дождетя его детей и даже внуков. Но однажды он вернулся с пленера чуть раньше обычного, горя желанием показать ей голубя, которого он сложил из бумаги в технике «оригами», но бабушки в живых уже не было. Феликс долго, отчаянно плакал навзрыд, и положил в ее гроб свой прощальный подарок – синего голубка из гофрированной бумаги.

- У тебя глаза такие добрые, дочка, - улыбнулась старушка, вручая Анне собранный для нее букет, и обратилась к Феликсу: - Ваша дочь?

Мужчина ничего не ответил.

На землю опускались осенние сумерки, густо настоянные на запахах костров и поздних яблок, в которых краски и звуки приобретают тревожную, пронзительную, прозрачную выразительность.

Они возвращались в его одинокую квартиру и он писал портреты Анны. Девушка с удовольствием ему позировала. Феликс почти не ощущал привычной боли в сердце, наряжая Анечку в своем воображении в фантастические образы русалок, водяниц, сирен с рыбьими хвостами и розовато-лазоревыми орлиными крыльями. Анна даже побывала блоковской «Незнакомкой» и царицей Нефертити, чье имя в переводе обозначает «красавица грядет». Но больше всего Феликсу нравились ее студийные портреты в обычной, повседневной одежде. Анечка часто ела во время сеанса яблоки, и тогда он обнажал ее, как Еву, с соблазнительным плодом в руках.

5.

Дома, подготовившись к занятиям и напившись чаю, Анна забиралась с ногами в кресло, любуясь панно с Кришной и дрожащим пламенем опиумной свечи в черно-белом подсвечнике. Лунное серебряное сияние давало свою жизненную силу всем сумеречным существам. Поэтому около полуночи продолговатые бутоны-коробочки постепенно открывались, и из их сердцевин в комнату проливался аромат. С этого момента цветок начинал жить своей собственной жизнью. Уже прошло несколько дней, и девушка научилась распознавать тончайшие оттенки дурманного, сладковато-пряного аромата. У каждого бутона он был свой, и молодые цветки пахли не так, как зрелые. Но чудо природы бодрствовало лишь ночью. И Анечка, задув свечу, после того, как в комнату сердито заглядывала мама, с сожалением укладывалась спать. Когда девушка пробуждалась, створки-лепестки к этому времени уже плотно смыкались. Анна не могла уснуть, не побыв несколько

минут наедине с благоуханным цветком. Их сумеречное, увядающее очарование напоминало ей о Феликсе. Цветы стояли долго. Они словно цеплялись за жизнь, уходящую с каждой минутой из срезанных стеблей. И вскоре она поняла, что точно так же борется за жизнь и Феликс. Он никогда не говорил с ней о своем недуге. Он просто устало откладывал кисть и брал со стола нитроглицерин. И Анечка все понимала без слов. Девушка соскальзывала с высокого студийного пуфика, подкрадывалась к нему бесшумно, как кошка, и обнимала его за плечи своими белыми лапками с темным лаком на ноготках. Они пили латте на балконе, любуясь стремительно увядающим брусничным закатом, а потом совершали долгие прогулки, после которых у Феликса беспокойно и нервно заходило больное сердце.

- Аня, сыграй мне что-нибудь, - просил он, когда в груди разливалось временное, иллюзорное облегчение.

Девушка расчехляла виолончель. Маленькая и хрупкая, Анечка была настоящей укротительницей громоздкого для нее, на первый взгляд, инструмента.

Феликс, чуть наклонив голову, слушал.

Анна извлекала из виолончели прекрасные, удивительные звуки. Бархатные и нежные, они внезапно сменялись агрессивными, почти басовыми риффами, чтобы растаять в пульсирующем, затухающем пиано полудетской, полусерьезной меланхолии, подернутой последним флером багряно-красного заката за окном. Косые, исчезающие медвяные лучи падали прощальным осенним золотом на пепельно-русые волосы, в беспорядке рассыпанные по плечам. Анна обычно заплетала их по вечерам в косы, но на этот раз решила отпустить их на волю.

Феликс еще никогда не слышал ничего подобного.

Анна за несколько минут раскрыла секрет ночной туберозы.

Девушка играла музыку его больного сердца.

6.

В середине октября наступило бабье лето, и Феликс будто сошел с ума. Художник с жадностью окунулся в жизнь. Он писал, как одержимый, дни напролет, а вечером исчезал из-под опеки заботливой Ольги.

- Феликс, остепенись, - сердилась сестра, когда он стягивал волосы банданой и застегивал до подбородка кожаную короткую куртку. Но он ее не слушал.

Ольга многого не знала.

Феликс стал более отчаянно, рискованно водить машину.

У подъезда его, как обычно, ожидала Анечка. Его псевдоготическая принцесса была чудно хороша в темно-фиолетовом осеннем полупальто и высоких изящных сапожках. Феликс, невероятно стесняясь и краснея, как мальчик, доставал из рюкзака букет лиловых спящих красавиц. Они мчались на машине, рассекая по улицам вечернего Гродно, которые кутались в

листопад, наплевав на все лимиты и ограничения. «Другой жизни не будет», - говорил себе Феликс, до отказа нажимая на педаль. Потом он делал одну из своих вынужденных остановок, чтобы разыскать в рюкзаке нитроглицерин. Потом они заезжали к ней домой, и Анна, поставив цветы в вазу, целовала в щеку маму и тут же убегала с Феликсом. Вернувшись домой, девушка расчехляла виолончель и сочиняла музыку почти до рассвета, прижимая струны к грифу инструмента, чтобы не разбудить весь дом. И, засыпая в кресле под пленительно-таинственным взглядом Кришны, видела другое чудо, не менее значимое, чем первое – как медленно смыкались уставшие за ночь благоухать лепестки туберозы.

Ночные цветы открывали второе дыхание.

7.

С каждым днем Феликс чувствовал нарастающую слабость.

Он уже не всегда мог пройти несколько раз утром вокруг дома, а при подъеме на четвертый этаж без лифта появлялась одышка. Художник подолгу не мог унять сердцебиение, и вокруг него испуганно суетилась Ольга с лекарством.

- Ты уже не мальчик, - менторским тоном повторяла сестра, подавая ему ложку. Но Феликс не слушал ее, думая лишь о том, чтобы ему полегчало и он смог бы незаметно улизнуть в парк Жилибера, где у фонтана его будет ждать Анечка, хотя прекрасно понимал опасность перегрузок.

Только что он мог поделаться, когда от хмельных, словно полынная полночь, поцелуев Анны его больной «мотор» начинал усиленно наматывать круги? После приступов он не мог прийти на следующую встречу, и Анечка приходила к нему сама. Девушка, невольно похитив у него накануне последние силы, даже и не подозревая об этом, возвращала ему нечто большее и ценное. Анна дарила ему свою музыку. Она то терзала смычком упругие струны, то нежно гладила их, словно кошка, спрятавшая до поры до времени свои острые коготки, раскрывая перед Феликсом молчаливую исповедь лиловой туберозы-полуночицы, и вскоре художник в мельчайших деталях знал ее триумфы и падения, страсти и заблуждения, радости и печали. И это было далеко не все. Нежный, изысканный цветок жил своей сложной, многогранной, многоплановой жизнью, новым полутонам и оттенкам которой художник не переставал удивляться. Ему даже казалось, что он слышит его запах, теплый и соблазнительно-пряный, искушающий своей жизненностью. «Не все ли равно, что будет завтра?» - думал Феликс, целуя пепельно-русый шелк Анечкиных волос. Музыка, которую она сочиняла, стала для него лучшим лекарством.

Он слабел, целуя ее, и восстанавливался, слушая, как она играет.

Еще никогда Феликсу не было так хорошо и так больно от преходящей прелести густых, басовитых, проникновенных звуков, которые извлекали из струн самые нежные на свете белые руки.

Он скучал по ее комнате с Кришной и опиумной свечей в черно-белом подсвечнике, считая минуты до того, как наступит долгожданное облегчение.

Он, как мальчишка, делал глупости, отнимающие его последние силы, только для того, чтобы понять: он влюблен в Анну.

8.

Они не виделись несколько дней.

Феликс, ощутив кратковременный, иллюзорный прилив сил, с головой ушел в написание картин, а Анна была занята в университете.

Когда они, наконец, встретились, был последний день бабьего лета.

В ее комнате с Кришной по-прежнему пахло благовониями, а на полках по-чеширски улыбались алебастровые кошки, украшенные зеркальной мозаикой и тонкой рельефной росписью темно-коричневого цвета.

- Их, как индийских невест, выкрасили хной, - сказал Феликс, погладив по голове одну статуэтку.

Анна ничего не ответила.

- Сегодня, наверное, последний солнечный день этой осени, - сказала наконец девушка, отойдя к окну. – Вон небо как потемнело. Завтра начнутся дожди...

Феликс взял в свою холодную ладонь горячую, белую ладошку Анечки. Девушка благодарно улыбнулась и не проронила ни звука. Слова были лишними. Потому что от них уходило их безумное лето любви, а Феликсу казалось, что – вся жизнь.

Вдруг солнечные лучи исчезли, и на землю упали первые, тяжелые, дождевые капли. А через минуту на город обрушился проливной дождь. Но в комнате с Кришной было уютно и тихо.

И они оба одновременно, не сговариваясь, поняли, что должны, пока за окном идет дождь и пока еще не поздно, сказать друг другу самое важное. Сказать то, на чем, как земной шар на четырех китах, зиждется жизнь.

- Я люблю тебя, Аня, - прошептал Феликс. Он догадался, отчего в ее синих глазах вдруг засияли золотые огоньки, и уже не сомневался в том, что услышит в ответ.

- Я тоже люблю тебя, Феликс.

Внезапный раскат грома расколол небо надвое, и Анна, вздрогнув, прижалась к нему.

- Все хорошо, Анечка, я с тобой, - Феликс неумело скользя руками по ее плечам и спине. Анна задрожала и еще теснее прильнула к нему. Вскоре его ласки стали более смелыми, а поцелуи – более настойчивыми. Дыхание Анечки сбилось и ускорилось. Свитер мешал ощущать ее, и он бережно снял его.

9.

«Ночь необыкновенно идет ей», - думал Феликс, пытаясь восстановить дыхание. В груди поднималась глухая боль; она нарастала и в конце концов окатывала его тело жаркой, болезненной волной. Когда приступ проходил, оставалось желание. Оно было не менее острым и мучительным.

Увертюра закончилась.

Его время стремительно истекало.

Феликс ощущал себя огненным цветком, который, раскрываясь, самовоспламеняется. Боль, страсть, желание и необыкновенное счастье переполняли его; влюбленному казалось, что ночь слагает для него симфонию запахов, которые он не раньше не чувствовал, и звуков, которые он никогда не слышал.

Ночная тубероза на столе почти завяла, но опущенные коробочки-бутоны, купаясь в неровных, лунных приливах, собирали остатки сил, чтобы раскрыться и пролить в комнату свой аромат в последний раз.

Дурман увядающих цветов оказался настолько удивительным и прекрасным своей преходящей, недоголовечной прелестью, что Феликс, утомленный и измотанный бесконечными сердечными приступами, с новой силой ощутил жадность к жизни.

... Боль проникновения оказалась довольно ощутимой, девушка, вскрикнув, закусила губу, но не отстранилась, а подалась вперед, отчаянно вцепилась в Феликса – ей не хотелось его отпускать. Анна вдруг поняла, отчего сегодня необыкновенно сладко и настойчиво пахнет стремительно увядающая тубероза, однако отступить было поздно. И она не отпустила его даже тогда, когда по ее телу прошла горячая, пульсирующая волна эйфории.

Феликс вспыхнул – и сгорел. Бешено колотившееся сердце затихло и успокоилось; он ощущал необыкновенную легкость, смешанную с острым, пронзительным счастьем.

Было тепло и хорошо, как никогда.

Его время стремительно истекало.

И Феликс вдруг с отчетливой ясностью понял, что все его полотна и эскизы, оконченные и неоконченные работы и вся его жизнь были посвящены тому, чтобы успеть сказать кому-то самые важные слова. И он успел.

Увядающая тубероза с новой силой выплеснула в комнату свой аромат, словно пытаясь удержать его.

Приступы следовали один за другим.

Внезапно боль отступила, и ему отчаянно захотелось спать.

10.

«Ну, чего же они не едут?» - Анна в отчаянии металась по комнате, судорожно сжимая в руках телефон. Она набрала «сто три» десять минут назад, и теперь напряженно прислушивалась к шуму на улице. Но, кроме унылого шелеста дождя, ничего не слышала.

Казалось, что Феликс спит. Только Аню не могли обмануть ни его мертвенная восковая бледность, от которой становились заметными тоненькие голубые прожилки на висках, ни его слабое, поверхностное дыхание. «Боже мой, что я наделала?!» - ужаснулась Анна, всматриваясь в бледное, точеное лицо любимого человека, прекрасного уже другой, иной, нездешней красотой.

Феликс еще был с ней; она чувствовала под своими ледяными, дрожащими пальцами слабую ниточку его пульса.

Он сделал ей самый дорогой подарок, отдав за него непомерно высокую цену, - сердце, которое сгорело, чтобы за несколько секунд озарить всю ее жизнь.

И теперь она должна была отдать что-то взамен.

11.

Внезапный порыв холодного октябрьского ветра распахнул настежь все окна.

Легкая круглая ваза из тонкого стекла, в которой умирала ночная тубероза, упала на пол и разбилась вдребезги.

В комнату с Кришной и опиумной свечей, в которой Анна и Феликс провели самые счастливые часы в их жизни, ворвалась унылая, гнетущая тишина дождливой октябрьской ночи, потревоженная (наконец-то!) еще глубоко-глубоко, в самом своем сердце, сиреной «скорой».

Аня, бережно укутала Феликса теплым пледом, и наклонилась, чтобы собрать осколки и отцветающий букет, когда прямо ей в руки неожиданно впорхнул непонятно откуда взявшийся бумажный голубь, сложенный из синей гофрированной бумаги.

Бабушка Феликса вернула внуку свой прощальный подарок.

И Анна поняла, что только она сможет спасти его сердце.

Один-единственный бутон из поникшего букета был еще свеж; но его упругие нежно-лиловые лепестки оставались упрямо сомкнутыми, вопреки всем законам своей сумеречной природы, словно цветок терпеливо дожидался чего-то. И Анечка отчего-то была твердо уверена: пока цветет последняя тубероза, Феликс останется с ней.

Сирена уже верещала совсем рядом.

У нее было всего несколько минут.

Девушка прекрасно понимала это, проводя дрожащим смычком по струнам виолончели.

Ей хотелось удержать его.

Она играла ему сонату, сочиненную утром, накануне их свидания, переплетая в сложных репризах-откровениях лилового полуночного цветка все самое прекрасное, что подарило им лето их любви.

В каждую ноту, в каждый аккорд Анна вкладывала всю себя, так, как это делал Феликс.

Звуки крепили и ширились, заполняя комнату.

Тубероза дождалась своего часа.

... За мгновение до долгожданного звонка в дверь лиловая полуночица раскрыла свои лепестки...

1 августа 2011 г. Гродно.

Принцесса Хризантема и юный эстет.

(цветочная сага)

В середине ноября Принцесса Хризантема собирала прощальный бал, прежде чем заснуть летаргическим сном до следующей осени(хотя она сама цвела осенью дольше, чем другие хризантемы:ведь она была Принцессой). И ей преподносили дары, чтобы перед тем, чтобы отцвести, она не чувствовала себя одинокой.

В вечерних сумерках начали сходиться гости, в час , когда танец теней порождает болезненную готическую грёзу у кружевно- утончённых стрел, в которых нет- нет да и теплилась хрупкость(так был изваян в камне серебристый плач скрипки) под зорким, недремлющим оком каменной розы с алыми витражами. А в запущенном саду был разлит насыщенный аромат самых разных цветов- экзотический и простой, бесхитростный; хищный, амбициозный и робкий,невинный, едва уловимый.

А Принцесса Хризантема встречала гостей у парадного входа под высокими стрельчатыми сводами, которые так стремительно улетали ввысь, в сумрак мориона осеннего неба, что захватывало дух и кружилась голова от мощного внутреннего порыва Прекрасной готики. Сама осень в нежном предсмертном экстазе целовала искусные витражи, сумрачный фасад, заостренные башни и узкие своды окон, бесчисленные пилястры, балки, которые терялись в вечернем сумраке потолков, откода, как белые черепа или корабли одиночества, спускались, как гигантские доисторические медузы, люстры на бронзовых цепях и в массивных бронзовых ободках.

Принцесса была облачена в белоснежное узкое платье с открытыми плечами, хвост которого лениво волочился по блестящим плитам каменного пола, а корсет платья был отделан черными букетами перьев и блестящими стразами тёмного стального цвета. Где- то в глубине зала Коломбина в смешных панталонах и в корсете жонглировала черно- белыми шариками, рядом стояла горничная , которая едва успевала наливать абсент без сахара в прозрачный синий пузатый бокал- каждый гость должен был осушить его до дна.

Принцесса Хризантема принимала дары.

Практичная Гвоздика подарила ей набор золотых иголок, которые творили шелковой нитью настоящие чудеса.

Жеманная Роза преподнесла в ониксовом флаконе свой самый любимый аромат- пряный амбровый.

От экстравагантной Орхидеи Принцесса получила в подарок тончайшие шали, красные как кровь, ярко- белые, как сон девственницы, цвета индиго, как персидская ночь.

Подарок скромной Фиалки был прост, но в то же время светел и трогателен- гранатовое маленькое сердце, пронзённое серебряной стрелой.

Утонченный Ландыш вручил Принцессе, стесняясь и краснея, царский подарок- коллекцию малахитовых скарабеев в черной гагатовой шкатулке, инкрустированной бледно желтыми топазами.

А горничная Ромашка подарила своей госпоже длинные ленты, которые вобрали в себя всю глубину весеннего неба.

Принцесса же ждала ещё одного гостя, которого она отважилась наконец пригласить, ибо она так устала от титулов и условностей, хотя её сан был слишком высок, чтобы легкомысленно игнорировать нормы придворного этикета.

Он был простой граф Подсолнечник, экзальтированный богемный чудак , эстет, декадент, непонятый мастер пера и художник- любитель. А она была Принцессой и держала в руках скипетр Ностальгии. Не всё ли равно, кем они есть на земле?ведь Время рано или поздно сотрёт титулы, а пирамиды, которые на скорую руку возводят короли, будут занесены белыми песками памяти...

Граф Подсолнечник был далёк от манерной системы, его душа была жива. А сердце горячо и трепетно билось даже от едва ощутимых прикосновений волшебной палочки Красоты в руках её величества Эстетики. Ещё он был неисправимым романтиком и лириком. А это было самое главное , когда за спиной неровно дышит холодная зима перемен, а в готическом камине дотлевают последние красные угли закатного тепла. Когда смерть всё чаще всматривается в души из страшных ледяных склепов светских салонов...Хризантема любила романтика серебряного века, глубоко и искренне . но не могла сказать ему это, ибо была принцессой, а все женщины ведь немного принцессы. Но Хризантема была особенной Принцессой, не инфантильно- капризной, но величавой и гордой...

Когда гости расселись, прибыл нежданный всеми, но желанный одной- единственной душой гость, юный эстет , почти мальчик, черноволосый , в кожаном плаще и в шляпе, поля которой скрывали небольшой шрам на

бледном тонком красивом лице. А что есть искажённая волею рока безупречность оболочки, если в груди трепетало живое ранимое сердце?

Граф робко и нерешительно приблизился к принцессе и они уединились в сумрачной затемнённой нише- подальше от любопытных ушей и ядовитых насмешек светского общества.

Никто не знал, что подарил юный чудак- Подсолнух Хризантеме, но когда Принцесса вернулась к гостям, все изумлённо ахнули, с трудом узнав её- вокруг её разлился какой- то дивный мягкий приглушённый свет (да- да, Хризантема излучала свет), глаза её блестели как южные звёзды , и они были влажны от чистых слёз.

А когда пришла полночь- время для Принцессы выбирать того, чей подарок больше всего пришелся по душе, чтобы сводить счастливого на ночную лунную прогулку в саду исполнения заветных желаний , то Хризантема, не колебаясь, выбрала юного эстета. По залу прокатился недовольный шёпот: гости почувствовали себя обиженными-юноша ведь приехал с пустыми руками и . видно, шептал Принцессе всякий вздор в интимном мраке алькова! Но они не знали, что юный эстет подарил Принцессе самое дорогое и бесценное сокровище- своё любящее живое сердце. И горы подаренных сокровищ померкли перед этим робким, бесхитростным, но таким прекрасным и светлым даром...

22 ноября 2004 года.

ФАЛЬШИВЫЙ АППОЛОН

Он сошел словно с картинки в модном журнале, и Лариса даже разозлилась на себя: ну зачем она согласилась пойти с подружкой в «Блюз»? Свет не ближний, стрелка часов давно перевалила за восемь, а на работу вставать ровно в семь. Но когда гламур во плоти присел рядом, Лариса поняла, что в «Блюз» пришла она не зря.

Раньше она думала, что мечты сбываются только в кино, и нет ничего лучше одиночества у барной стойки после работы или по выходным, когда ты потягиваешь через соломинку минералку со льдом и делаешь вид, что за окном тебя ждет белый лимузин, украшенный стразами Сваровски. В такой машине чувствуешь себя самой счастливой невестой, мечтательно думала Лариса.

В жизни все не так. Лариса с наигранной задумчивостью, которая ей плохо удавалась, опустила глаза в хрустальный стакан с видом, что пытается разглядеть портрет своего суженого. Естественно, он там не появился. Но и

незнакомец не исчез. Он вел себя как настоящий джентельмен. Лариса ожидала чего угодно, только не этого.

- Ich heiÙe Anton,- представился молодой человек, целуя ее руку и вопросительно глядя снизу вверх ясными голубыми глазами. – Wie heiÙt du?

- Лариса, - улыбнулась она. – Почему на немецком? Тебе повезло, я знаю этот язык.

- Ты похожа на русалку. С Рейна. – уточнил юноша. На его нежных щеках появились очаровательные ямочки. Таких Лариса не видела еще ни у кого. Антон улыбался тонко и женственно.

Она уже не помнила, как они обменялись телефонами и как танцевали, как она что-то рассказывала. Кажется, стихи. Антон слушал, а потом подхватывал целые фразы, и они весело, счастливо смеялись. Это был самый волшебный вечер в «Блюзе» в какун конца рабочей недели. И в ее, одинокой Ларисиной жизни. Это был магнетизм, «двое встретились» или что-то еще. Но ведь просто так ничего не бывает. И за многое...

- Надо платить, - звонкий голос лучшей подруги Юли вывел Ларису из сладкой нирваны. – Поздравляю, ты опьянела от минералки.

- Самое главное в шампанском – это пузырьки, брызги, - задумчиво сказала девушка, гоняя в ладонях стакан. – так и со счастьем, Юля, понимаешь?

- Это точно. От него остаются только брызги.- последовал ответ.

Девушки разместились в «Опеле», который принадлежал Юлии.

Лариса не обиделась. Юльяша плавает на своей волне, расставшись с Максимом. И время, это горькое лекарство, ей пока не помогло. Ничего. Это ничего. Оно обязательно вылечит самые глубокие раны и остудит самую сильную боль. Надо только уметь верить. И ждать.

А на другой день ей сделали сюрприз. Когда вечером Лариса расписалась в журнале на вахте, то тетя Лена с загадочным видом протянула ей розу. Ослепительно-белую. Полкраскрытую. Такую хрупкую и трогательную.

- Счастливая же ты, Ларка! – зажмурилась вахтерша, сорокалетняя старая дева. – К тебе молодой человек приходил. Красивый. Блондин с обложки.

Это Антон, догадалась девушка, и ее сердце забилося, как маленькая птичка в клетке. Ей никогда не дарили цветы вот так, красиво и вечером.

Зимние сумерки давно раскрыли свои крылья над Замковой горой, и двор погрузился в волшебное серебро уличных фонарей. Скоро ночь. И она уже разорвала звездные бусы над синей чашей, которые дрожали на

невидимых лесках – струнах. В них заблудилось Вдохновение, потому что внизу, среди елей, промелькнул стройный мужской силуэт...

Белая роза в руке дрогнула, Лариса посмотрела вверх и...Леска-струна разорвалась, и она увидела звездопад из маленьких легких снежинок. Их было много-много, и они не таяли, укрывая землю пушистым серебром.

* * *

Лариса открыла дверь ключом, негромко напевая. Она была в легкой эйфории и даже не очень расстроилась, обнаружив, что одна перчатка пропала. Вещь – дело наживное. А счастье приходит и уходит. Навсегда.

Белая роза в хрустальной вазе не спеша, лепесток за лепестком. приоткрывала свое прекрасное естество. Хрупкая и трогательная. Как Антон. Ему очень идут джинсовые костюмы «Дольче Габбана». А нежную, светлую кожу здорово подчеркивают очки той же марки, хотя сейчас для них совсем не сезон. В нем есть утонченный шарм. И море обаяния. Он – принц. А принцы не могут быть плохими.

Вечерний волшебный звездопад имел свое продолжение. Правда, сказка началась банально и малообещающе: Юлька-растяпа потеряла в темном коридоре книгохранилища ключи. Пока подружка занималась пропажей, не доверив процесс никому, кроме себя, любимой, Лариса решила расписаться в вахтерном журнале. И негромко вскрикнула, увидев новенькую пару снежно- белых перчаток и тюбик крема для рук с ароматом белого шоколада.

- Поклонников у тебя, Ларка, хоть пруд пруди! – вещала тетя Лена. – Еще один приходил. Темненький. Похож на Мурата Насырова в молодости.

- Тетя Лена, он сказал что-нибудь? – тихо спросила Лариса, потому что Юлька уже заканчивала свои поиски. – Хотя бы имя свое назвал?

- Нет, - покачала головой вахтерша. – Ничего. Только просил передать подарок «девушке-осени». Девушка-осень у нас в музее одна, Ларка. И это ты.

- Спасибо. – счастливо прошептала девушка. А вон и Юля возвращается, довольная и радостная, что пропажа наконец нашлась. Как иногда мало человеку надо для счастья!

Ангорские перчатки грели сердце. Да и не столько они, сколько сам по себе этот милый трогательный подарок. Сперва девушка не хотела признаваться Юле в том, что у нее появился тайный поклонник: подружка, порвав с Максимом, ее не поймет. Но в машине не утерпела и раскрыла сумку.

- Счастливая, - протянула Юля и вдруг звонко шмыгнула носом.

- Что с тобой? – испугалась Лариса, с нежностью обнимая подругу за плечи. По круглому, румяному Юлиному лицу из ярко-голубых ясных глаз скатилась слезинка. Одна, а затем другая, третья...

- Макс только тюльпаны таскал, от которых у меня аллергия, - жалобно сказала Юля. – И дарил мягкие игрушки. Прямо детский сад!

- Максим не стоит ни одной твоей слезинки,- твердо сказала Лариса, бережно вытирая ее глаза. – Поверь мне. Будет и на твоей улице праздник. Тебе обязательно подарят то, о чем ты мечтаешь.

- Я только одного хочу, - вздохнула Юлька. – Чтобы за тобой ухаживали вот так красиво и по-настоящему. И чтобы тебя никто не обижал.

- Спасибо, Юльяша, - искренне улыбнулась Лариса. – Добрый ты, светлый человечек.

Так у Ларисы появилось двое поклонников. Один дарил ей розы, целые охапки белых полураскрытых роз и возил по вечернему городу в открытом «Ламборджино». Они иногда оставались с Антоном в читальном зале, склоняясь над какой-нибудь книгой. Помнится, в последний раз это была «Любовница смерти». Книжные полки, заполненные старинными изданиями, погружались в романтический полумрак, от них исходило мистическое обволакивающее волшебство, как сон русалки на излете модерна, а они глотали страницу за страницей, пока не приходила тетя Лена, чтобы погасить лампу с абажуром в стиле Тиффани.

А другой просто делал милые, такие трогательные сувениры, даже не называя своего имени.

Лариса радовалась, как ребенок, когда тетя Лена притащила ей прямо в кабинет живую тигровую лилию в ярком нарядном горшке, на боку которого висела открытка-сердечко.

- Новый замок- место загадочное, - вздохнула Юлька в обеденный перерыв, задумчиво перемешивая ложечкой «чифирь» - подружка любит крепкие тонизирующие напитки. – Я уверена, это призрак повстанца – шляхтича ухаживает за тобой тайно и красиво.

- Ага, еще скажи, что по ночам из зеркал выходит Станислав Август Понятовский, - засмеялась Лариса и растерялась, не зная, обидется ли на Юлю или все-таки прислушаться к ее словам. И потом поняла, что к словам все-таки стоит прислушаться. Потому что однажды в воскресенье, отправившись с Юлей в «Блюз», она угадала шестым чувством в модном худосочном юноше с удлиненными, чуть приподнятыми к вискам карими глазами своего тайного поклонника. В нем есть что-то неславянское, думала Лариса, слушая медленную, тягучую, обволакивающую «Ла розу» Наташи Атлас. Она смотрела в хрустальный бокал минералки со льдом, но видела

только длинные пряди косой челки и бархатные восточные глаза. Вот она какая, твоя судьба, подумала Лариса и вдруг встрепенулась. А как же Антон? Он такой чумовой, обаятельный, веселый. Он ей нравится. Но этот...этот странный какой-то. В нем есть что-то кошачье. Благородное и притягательное.

- Давай потанцуем, - предложил незнакомец так, что девушка просто не смогла отказаться. Медленно кружась по залу, она не спеша, не торопясь сравнивала обоих. В удлинненных восточных глазах был огонь, но не было страсти, как у Антона. Было море восхищения. И искристого добродушия.

У нее закружилась наконец голова, и они вышли на крыльцо. Юли нигде не было видно. Подружка уже небось кокетничает с кем-нибудь на радостях, что порвала с Максимом. Ну и правильно, ведь жизнь продолжается. Только Лариса на месте Юли так рано не радовалась бы: всех нас когда-нибудь посещает дежа вю. Гонишь его через дверь, а оно внаглую залезает в окно, держа в зубах вместо алых роз милый букетик скромных фиалок. Ничто не исчезает бесследно и не приходит из ниоткуда.

Они спустились к узеньким аллеям, над которыми склонялись тонкие хрупкие ивы, уставшие от пасмурной и долгой зимы.

- Меня зову Эльдар, - сказал юноша и легонько тронул заледеневшую ветку. На волосы Ларисы посыпались серебристо-белые хлопья снега.

- А я Лариса, - счастливо засмеялась она. И поняла, кто проскользнул на Замковой безмолвной тенью, когда лески-созвездия в синей чаше неба разорвались и она увидела звездопад.

- Я видел тебя в библиотеке, - улыбаясь, сказал Эльдар, бережно отряхивая с воротника Ларисы снег. – Ты листала старинную книгу и тебе нравилось то, что ты делаешь. И я понял, что должен с тобой познакомиться.

- Откуда ты знаешь, что я люблю тигровые лилии? – улыбнулась Лариса.

- Потому что ты сама как лилия. Яркая и пряная. Но беззащитная.

- Это я-то беззащитная? – удивилась девушка и залилась звонким веселым смехом.

- Не прикидывайся колючкой, - ответил Эльдар. Его продолговатые восточные глаза тоже смеялись. – Это у тебя плохо получается. Ты – нежный цветок...

- Сорванный в первый час луны, когда выпала роса, - пропела Лариса. – Ты такой странный. Откуда ты взялся-то?

- Неважно, - сказал он. – Ты мне веришь?

И она поверила. Молодые люди с радостью обменялись номерами.

- Какая безответственность! – бушевала на обратном пути Юля. – Лара, а если он маньяк? Пришел из ниоткуда, ушел в никуда, как Джек-Потрошитель.

- У него глаза добрые. И красивые, - мечтательно сказала Лариса, а подружка только фыркнула.

Выходной близился к своему завершению. Поужинав, Лариса открыла «Пуаро» Агаты Кристи. Эльдар прав. Она дикая, тигровая лилия. Вечеринки, кафе – это хорошо, классно, просто здорово. Но...было одно «но». Лариса всегда считала себя домоседкой. Кошкой, которая привязывается к дому. Спокойная, терпеливая и неконфликтная, она быстро сходилась с людьми и без труда находила себе друзей. Только вот было в ней что-то такое, что мешало до конца открыться им и довериться. Просто Лариса считала: в жизни далеко не все заканчивается хэппи-эндом, как в сказках. За все надо рано или поздно платить. Одиночеством, болью, страхом. А главное – переживать предательство и утрату иллюзий, пожалуй, самую болезненную, после которой в жизни наступает долгая атомная зима. А еще так тяжело научиться верить людям снова, ожидая весны, которая может никогда не наступить...

Хлопнула оконная рама, разом нарушив ее размышления. «Пуаро» очутился на полу. Лариса словно зачарованная смотрела на изящные кошачьи движения Антона, когда тот устроился на ее подоконнике.

- Сумасшедший! – засмеялась она. – Третий этаж ведь! – и осеклась, потому что Антон уже стоял рядом с ней. Достав алую розу, юноша медленно вложил ее в огненно- рыжие волосы.

- Что это значит? – растерялась она. Морозный сквозняк гулял в шторах, а маленькие редкие снежинки, которые залетали в окно, шептали: «Будь осторожна, девочка. Любовь – это не романтический блеск далеких звезд, а пожирающее пламя».

- Это значит – люблю, - тихо сказал он и, легонько потянув ее за волосы, поцеловал. Лариса стояла посреди комнаты, растерянная, взволнованная и...счастливая. Ей никто еще так не признавался в любви. И никто ее так еще не целовал.

Чтобы как-то прийти в себя от волшебства, которое свалилось на них в этот вечер, они играли в шахматы. Лариса достала доску и высыпала на ковер фигурки, но Антон тут же завладел ее руками.

- Пусти! – засмеялась она. – Дай поставить!

Он был своенравным, ласковым, игривым львенком. Девушка с нежностью наблюдала, как он крутит в тонких пальцах ладью. Антон то с порывистым энтузиазмом активно включался в игру, то впадал в

сосредоточенную задумчивость, становясь тихим, как рысь на охоте. Когда Лариса выиграла, то юноша поцеловал ее руку.

- Ты нечеловечески галантен, - смеялась девушка, и легонько ткнула его ферзем в плечо. А он снова поцеловал ее так же, как час назад – с нежной страстью, слегка потянув за волосы. Лариса еще не поняла, нравится это ей или нет. Она даже немного боялась Антона в такие минуты. Но одно ей стало ясно наверняка: она с сожалением провожает своего гостя в этот вечер. А в среду у Ларисы был выходной. Они хотели пойти с Антоном на каток. Она так ждала этого два дня, но он с искренним сожалением долго извинялся перед ней. Каток отменялся, потому что давний друг, который был в Гродно проездом только один день, пригласил его в спортзал.

- Ничего, Антон, бывает. Давай, пока, до скорого, - разговаривая по телефону, она мужественно держалась до конца, но, повесив трубку, тихонько всхлипнула. По щеке соскользнула одна слезинка, потом вторая... Девушка не увидела, как всколыхнулась штора. Так скользят призраки. так исчезают на рассвете ночные тени. Так утренняя роса, потревоженная дыханием нового дня, нова поднимается к солнцу.

- Здравствуй, моя красавица, - ласково и тихо сказал Эльдар. И ей захотелось плакать. Потому что его удлинённые восточные глаза светились улыбкой. И добротой.

- И ты вошел ко мне через окно, - сказала Лариса, поставив чай.

- Потому что ты не такая, как другие, Лара, - ответил Эльдар, нежно проводя рукой по ее волосам и по щеке. А ей захотелось, чтобы этот удивительный юноша с глазами казаха сидел в кресле напротив целую вечность, рисуя цветными карандашами ее эскизы в профиль и анфас.

- Так ты художник, Эльдар! – догадалась Лариса, сворачиваясь в кресле в клубок, как кошка. – Почему же ты раньше не сказал?

Юноша ничего не ответил и, пристально посмотрев на нее, откидывая с глаз длинную непослушную челку, снова склонился над листом бумаги.

- Мне нравится, как ты молчишь, - наконец сказал он. – Я люблю, когда ты вот так сидишь, положив голову на руку. Мне нравится, как ты поправляешь волосы, как двигаешься, как улыбаешься.

- Правда?- прошептала она.

- Правда. Держи, Лара,- он протянул ей рисунок. – Это тебе.

Она увидела себя, сидящей в кресле в грациозной позе посреди осеннего пейзажа, и прочла: «Ты – песня на излете ранней осени».

- Спасибо, Эльдар,- улыбнулась Лариса, относя на кухню кофейные чашки. Она открыла кран, но он отстранил ее.

- Не надо, Лара, я все сделаю сам,- мягко сказал он. – У тебя очень красивые, нежные руки.

Лариса покраснела. Еще никто о ней так внимательно, трогательно не заботился...

- Пойдем, - сказал Эльдар после того, как сервиз был вымыт, вытерт и расставлен в шкафу по ранжиру.

- Куда ты меня зовешь? – удивилась Лариса, когда юноша бережно надел на нее хорошенькую белую шубку.

- Это сюрприз, - пообещал Эльдар. В его глазах-вишнях был теплый задор.

Они приехали в Ледовый дворец.

- Эй, Эльдар, ты чего придумал – то? – веселилась Лариса словно девочка-подросток, пока юноша брал напрокат коньки.

- Я, кажется, знаю, чего тебе хочется больше всего на свете сегодня, Лара, - ответил он. Она тонула в его глазах, которые, казалось, всегда искрятся, блестят, лучатся, переливаются. Эльдар спокойный и сдержанный. Очень мягкий и внимательный. Серьезный. Никогда не раздражается. В нем есть приятное, ненавязчивое, благородное обаяние. И еще что-то, легче и неуловимей утреннего тумана. Во всем, наверное, виноваты эти неславянские глаза, решила Лариса.

Эльдар зашнуровывал ее ботинки. Просто, наивно, трогательно, как он делал все, искренне и бескорыстно, стремясь сделать лучше мир. Девушка уже почти не думала про Антона, с которым далеко не все было так понятно. Веселый юноша-праздник. Юноша – сюрприз. Солнечный львенок, слегка капризный, но такой живой и непосредственный! Ей нравились сумасшедшие искорки в его голубых глазах, его красивый высокий голос, когда он пел под гитару. Его юмор, его бесконечные оригинальные придумки, его оптимизм через край...И, наверное, нравились его поцелуи. Правда, было немного страшно, когда Антон слегка тянул ее за волосы. С этим она ничего поделать не могла. В нем была утонченная, нервная артистичность. Антон слушал классику, любил Серебряный век, и, кроме гитары, играл на скрипке. Потому что влюблен и счастлив. А она? Наверное, во мне не хватает винтиков, подумала Лариса. Ей нравился Антон. Иногда она испытывала к нему такую нежность, что, не стесняясь прохожих, просто обнимала его за шею. И задыхаясь от счастья, слушала, как совсем рядом взволнованно бьется его сердце. Нежный, хрупкий, трепетный, столько эмоций... Только что-то мешало ей. Может быть, эти странные поцелуи. Лариса чувствовала необъяснимую тревогу, ощущая нервные, тонкие пальцы Антона в своих волосах. Ей всегда невольно хотело спрятаться от их

магнетизма. А в глазах Эльдара горел огонь, но без страсти, теплый, дружественный, к которому хочется протягивать руки. У которого хочется остаться навсегда. Даже на этом полупустом ледовом катке.

Лариса словила себя на том, что перестала бояться льда. В надежных руках ее партнера были уверенность и сила. А главное – он всегда оставался джентельменом. Даже сейчас, опуская ее на лед на одну ногу.

Девушка обоперлась на его плечо. Тонкая рука с перстнем-кубышкой скользнула по рукаву, нащупывая под свитером плотную ткань.

- Эльдар, что это? – испугалась она.

- Эластичный бинт, - спокойно пояснил юноша. – Я недавно вывихнул руку.

- Ты не должен был меня поднимать! – в отчаянии закричала Лариса. – И крутить, поддерживать, вообще идти сегодня на каток!

- Когда ты рядом, Ларка, мне совсем не больно, - тихо и проникновенно сказал Эльдар, обнимая ее за плечи.

- Ну да, я – твоя анестезия, - хихикнула девушка. - Правда, не больно?

- Правда. Лара, не будь колючкой. Ты – прекрасная тигровая лилия, которая источает свой аромат для окружающих, - Эльдар погладил ее медно-рыжие волосы. Это было так непохоже на аристократичные и хищные жесты Антона!

Положив ее ногу на свое колено, Эльдар медленно расшнуровывал ботинок. В сумке Ларисы звякнул мобильный телефон.

- Ларочка, Антон тебе не пара, - вместо приветствия завела подружка, отчего-то странно шмыгнув носом. – Я звонила тебе домой, но никто не взял трубку.

- Юлька, ты белены объелась? Я на катке с Эльдаром, - зашептала она в трубку, прикрыв мембрану рукой.

- Очень хорошо, - почему-то с облегчением вздохнула Юля.

- А ты где сейчас?

- В «Ювенте», - снова вздохнула подружка. – У меня перекур между двумя арабскими, смотрю, как Антон с другом культуризмом занимается. Послушай, Ларка, любой нормальный парень наплюет на все на свете, но поедет на свидание с девушкой, как обещал. Понимаешь? Твой Антоша просто эгоист. А еще его эти дурацкие поцелуи...В общем, Лара, держись от него подальше. Это не твой герой.

- Почему? – спросила она.

- Это необъяснимо, Ларочка. Я порвала с Максимом, поэтому у меня шестое чувство. Ты мне веришь?

- Верю, верю, - нехотя отозвалась Лариса, когда Эльдар застегивал ее шубку. Юльяша не завистливая и совсем не интриганка. Золотой, добрый, отзывчивый человечек. Просто, расставшись со своей первой любовью, она несправедлива ко всем молодым людям. И, в частности, к Антону. Да, у него необычные манеры. А ведь в этом есть своя прелесть, своя вкусность. Только почему иногда становится страшно наедине с Антоном, хотелось бы знать. Очень хотелось бы знать, потому что юноша –праздник объявился на следующий день и пригласил ее в гости.

* * *

Уютная гостиная была накрыта к романтическому ужину. Из музыкального центра лилась спокойная, тягучая мелодия. Антон сказал, что это армянский дудук.

- Нравится? – спросил юноша, наливая в ее хрустальный бокал игристое белое вино.

- Нравится, - совершенно искренне обрадовалась Лариса, отщипывая темного винограда. Музыка была странной (она завораживала и затягивала), но красивой.

- Извини, Лариса, что не смог встретиться с тобой вчера, - тихо сказал Антон, глядя ее руку. Лариса на мновение ощутила, как ее бросило в жар. От страха. Ох уж эта Юлька, вечно у нее тараканы в голове. Антон – замечательный, классный парень с необычными манерами.

- Ничего. Всякое бывает, - улыбнулась она. Нет, Юле определенно следует влюбиться еще раз, чтобы она не накручивала себя и окружающих.

- Как дела в музее? – спросил Антон, протягивая ей в коробке шоколадки.

- Прекрасно. Ты же сам был недавно у меня и даже помогал книжки носить, - засмеялась Лариса.

- Я помню. Но расскажи мне что-нибудь необычное из твоей этой музейной жизни, Ларочка.

И Лариса рассказала ему о старинных книгах, к которым ее тянет, словно магнитом. О трепете, который она испытывает, бережно и осторожно переворачивая пожелтевшие страницы старых изданий. О таком странном, легком, почти неуловимом чувстве, которое неизменно посещает тебя, когда ты смотришь сквозь стекло витрины на чудом уцелевшие экспонаты, потому что генетическая память предков жива в каждом из нас.

- Как это красиво, - вздохнул Антон. – И грустно, потому что к прошлому не вернешься. Я давно не был в музее по-настоящему, долго глядя на экспонаты.

- Я покажу тебе их прямо сейчас, - Лариса протянула юноше цифровой фотоаппарат.

- Здорово! – обрадовался Антон, «пролистывая» снимки. – Ты очень красиво снимаешь... Послушай, а кто это рядом с тобой?

- Эльдар, - спокойно ответила Лариса. Над столом на некоторое время повисла тишина.

- Что за Эльдар? – наконец спросил Антон. Лариса с изумлением смотрела на него. Таким она его еще не видела. Юноша побледнел и прикусил губу, его тонкие нервные пальцы слегка подрагивали. Лариса прикрыла глаза. Дудук забарался в душу, трогая какие-то очень глубокие струны. – Тот самый знакомый, о котором ты мне говорила?

- Да, - просто ответила она. – Мы сходили с ним на каток. Вот и все. А что в этом такого?

- Ничего, - в голубых глазах Антона вспыхнул холодный, незнакомый огонек. – Ты была с ним на катке?

- Ну да, - Лариса пожала плечами и улыбнулась.

- Ты так ничего не поняла, Лара, - медленно, с расстановкой сказал Антон.

- Я знаю, ты меня любишь, - девушка почувствовала, что земля уходит из-под ног в прямом смысле, и, чтобы не свалиться со стула, пересела в кресло. Что-то произошло. Что-то случилось такого, чего она еще не могла осознать, оценить и контролировать. У нее так мало опыта, его нет вообще, этого опыта, а жизнь – вот она, рвется к ней, сверкая всеми красками. Юноша – праздник изменился, стал непонятным. Если бы не этот блеск в глазах, чужой и холодный... Лариса с опозданием поняла, что наедине с Антоном ей стало вдруг неуютно, но, следуя смутному порыву, ждала, когда завеса тайны немного приподнимется. – Ты мне нравишься, но послушай...

- Это ты выслушай меня, - Антон резко повернулся к Ларисе с горящими глазами. – Еще никто не бросал Антона Гончаркова. Я люблю тебя и мне больно, когда ты не со мной.

- Антоша, я ценю твои чувства, но ведь я тебе ничего не обещала и ни в чем не клялась, понимаешь? – тихо ответила Лариса. – Я пока могу предложить тебе только свою дружбу. Мы так мало знаем друг друга...

- И ничего больше? – свистящим шепотом спросил он.

- Извини, Антоша, пока ничего, - честно призналась она и искренне улыбнулась. Только он не улыбнулся в ответ. Лицо юноши застыло, словно маска. Некоторое время они молчали.

- Послушай, Лариса, может, у тебя с этим Эльдаром что-то было, а? – с иронической усмешкой поинтересовался Антон.

- Ничего у нас не было, - Лариса начала терять терпение. Какая муха укусила ее принца, ее прекрасного принца, который совсем недавно был хорошим и красивым? Сейчас перед ней стоял встрепанный капризный чертенок, сверкая злыми, колючими глазами. – Вы мне оба нравитесь.

- Ну-ну, - скептически усмехнулся он. – Так, Лариса, не бывает. Что ж, я не бабка-ведунья, приворотного зелья у меня нет. Так что можешь лететь, куда хочешь.

Ларисе вдруг показалось, что в этом пассаже было что-то ненатуральное, театральное. Поэтому она спокойно встала и взяла из кресла свою сумку. Ничего, завтра Антоша охладит свой пыл и обязательно даст ей спокойно выбрать, если действительно любит ее по-настоящему.

Лариса закинула сумку за плечо. Антон слишком взволнован, возбужден, ему необходимо побыть одному. Так надо, чтобы все встало на свои места. Но покинуть его наедине с собой ей в этот вечер не удалось.

Удара затылком о стену Лариса почти не почувствовала. Просто на мгновение потемнело в глазах. Когда к ней вернулись ощущения, девушка поняла, как ей страшно. Потому что тонкие хрупкие пальцы, которые до сих пор с трепетом держали скрипичный смычок, как змеи сомкнулись вокруг шеи, впились в нее хищной железной хваткой. На белом, как мел, красивом лице, искаженном жестоким бешенством, сверкали глаза василиска...

Лариса не помнила, как отодрала от себя Антона, как закатила ему звонкую пощечину, от которой, наверное, ему заложило уши. Как сосчитала ступеньки на площадке первого этажа, как бежала по снегу простоволосая в расстегнутой шубке. И как ловила такси. Шофер чуть не забыл о плате – он в этот вечер принял существо на заднем сиденье с бескровным лицом за привидение.

Лариса сбросила шубу просто на ковер и медленно сняла шарф. Поглядела на себя в зеркало и вскрикнула. На нее смотрело чужое, совершенно белое лицо с запавшими полубезумными глазами. А на тонкой, нежной шее незнакомки незнакомки огненными цветами пламенела ревность.

Как хорошо, подумала Лариса, в прострации разглядывая свое отражение, что родители уже третий день греются на солнце в Египте, и раскашлялась, а по щекам как горох, покатались слезы. Она не расслышала, как безшумно отворилась входная дверь. Сейчас ее придашат по-настоящему, а не понарошку, пугая и ревнуя. Что ж, такова, наверное, ее судьба. Лариса закрыла глаза и покорно опустила голову. Станет неприятно и

страшно, как в квартире Антона. Но ненадолго. Потом она уснет. И уже не будет ни ужаса, ни боли.

Время шло. А все оставалось по-прежнему. Просто рядом кто-то терпеливо ждал. Лариса открыла глаза и увидела в зеркале Эльдара. Девушка вздрогнула и торопливо прикрыла ладонью шею, но он перехватил ее руку.

- Зачем ты пришел? – глухо спросила она, и высвободила свои пальцы. Всего за минуту кошмара перед ней прошла вся жизнь. И это дорогого ей стоило. Слишком дорогого, чтобы она смогла по-прежнему спокойно оставаться с кем-то наедине.

- Просто захотел увидеть тебя, - признался Эльдар и, включив свет, развернул к себе Ларису. – Господи, Ларка, ты белая вся, дрожишь, и шея в красных пятнах! Кто тебя обидел?

- Антон, - прошептала она одними губами.

- Я поговорю с ним, - твердо сказал Эльдар. – Он больше никогда не посмеет тебя обидеть. Слышишь, Лариса, никогда.

- Не надо, - слабо поросила она. Хотя Антон определенно заслуживал хорошего физического замечания. Но ей так хотелось поскорее стереть из памяти все, не только этот вечер, но и то, что было до него. Она отдала бы сейчас все сполна только за то, чтобы не видеть на своей шее багровых пятен и не чувствовать кожей до сих пор тонких нервных пальцев, в которых обнаружилась вдруг нечеловеческая, звериная сила...Лариса закрыла лицо руками и зарыдала.

Эльдар привлек ее к себе как ребенка, как птицу со сломанными крыльями. Когда девушка совсем затихла у него на груди, он завернул ее в плед и пошел ставить чай.

Лариса вздрагивала, глядя на себя в огромное трюмо. За один вечер она стала строже. И старше. Как кошка, прожив почти все свои жизни за одну-единственную минуту ночного кошмара.

Эльдар принес не только ароматный горячий чай, но и ее любимые молочные шоколадки «Нестле». Лариса почувствовала в горле ком.

- Только не надо плакать, - мягко улыбнулся он. – Закрой глаза, Лара.

Что-то мягкое нежно касалось ее щеки и шеи. Она испугалась, но только на минуту. Лариса посмотрела в зеркало. Девушка увидела на себе шелковый шарф необыкновенной красоты. Приглушенный, насыщенный розовый, играя и переливаясь, переходил в глубокий цвет морской волны. Незатейливая вышивка придавала ему тонкий, нежный вкус.

- Тебе нравится? – спросил он.

- Очень, - искренне ответила она. – Спасибо.

Эльдар улыбнулся только уголками губ. Только глазами. А потом тихонько поцеловал ее в медно-рыжий затылок.

Это был самый странный вечер в жизни Ларисы. Она знала, что завтра ей снова на работу, но не спешила готовиться ко сну. Юля обрывала мобильный телефон, но Лариса, сказав, что находится в нирване, больше не подняла трубку.

Лариса включила камин. Эльдар осторожно привлек ее к себе, и она доверчиво положила голову ему на колени. Надо успокоиться. Надо отойти, отдохнуть. Надо научиться снова кому-то верить, чтобы начать новую жизнь.

Они говорили в этот вечер ни о чем, похоронив в памяти недавний кошмар. Лишь о том, как красиво ложится снег и как прекрасно на Немане весной. Лариса мечтала о том, как зацветет алыча, а Эльдар ни слова не сказал о своей любви. Но она чувствовала и знала – любит. И понимала, что хочет остаться возле огня его глаз навсегда, к которому можно смело протягивать руки, зная, что не обожжешься.

На другой вечер ей передали на вахте красочную открытку с извинениями и признаниями в любви. Едва пробежав глазами текст, Лариса, не раздумывая, разорвала послание на глазах у изумленной тети Лены. Никто и не догадывался, что за признание запечатлено под шелковым шарфом, который вызвал всеобщее искреннее восхищение.

Вот и все. Лариса почувствовала необыкновенную легкость и, напевая, расписалась в журнале и выбежала на крыльцо, подставляя счастливое лицо снегу, который медленно кружился в вечернем воздухе. Юльяша убежала прогревать автомобиль. А ее уже ждал Эльдар. Он всегда будет ждать ее, Лариса знала это.

Судьба раскрыла для нее ларец с драгоценностями, милостиво разрешив: «Выбирай!» А она, забыв про все на свете от счастья, схватила первую попавшуюся эрзац-безделушку, думая, что золото – подлинное, а стразы Сваровски – настоящие. Но теперь-то она не ошибется никогда.

19 февраля 2009 года. Гродно.